

Рыжий Александр Ильич

Семья у меня очень интересная. Мы из евреев, выкрестов. Фамилию Рыжий получили от русского царя Александра III. Специальным указом на атласной грамоте, написано было золотыми буквами. А дело было так. В годы Русско-турецкой войны, мой дед был студентом и носил фамилию Эрлих. Мы местечковые евреи, черта оседлости и все что с этим связано. Ну, тут волна патриотизма, помочь славянам, стонущим под турками. Деньги, добровольные пожертвования собирали, в общем - эйфория. Ну и дед, поддавшись этой волне, поступил добровольцем в русскую армию и был направлен на Балканы в действующие войска.

Служить начал в окружении «Белого генерала» Скобелева. Тот храбрец был отчаянный и дед старался рядом с ним быть. Однажды за участие в отбитии у турок русского знамени отличился, Скобелев заметил и представил его к «Георгиевскому Кресту». Так еврей Эрлих получил крест 4 степени. Им награждал полковой командир. Скоро, за участие в каком-то деле, деда опять представили к Георгиевскому Кресту. Вручал Крест 3 степени сам Скобелев. Удивился, что кавалер Креста - еврей. К Георгиевскому кресту II степени Скобелев лично представил деда за то, что тот закрыл «Белого генерала» от турецкой пули и сам получил ее, был легко ранен. Списки на награждение II степени Георгием утверждал сам царь, это так получилось, или так было принято тогда, сказать не могу, но они попали к Александру III. Царь читал списки и страшно удивился. Как II степень, и вероисповедание - Иудей?! Быть такого не может! Это не жид, а рыжий какой-то среди евреев. Уже 2 креста имеет?! Отныне дать ему крест II степени и присвоить фамилию Рыжий, а так же по окончании войны дать ему в Южных губерниях земли 300 десятин, на выбор. Так дед получил письменный указ царя о присвоении ему фамилии Рыжий, земли 300 десятин взял в Николаевской губернии, был приписан к казачеству войска Кубанского, с правом поселения в Николаевской губернии. До конца турецкой войны получил еще Георгиевский крест I степени.

Отец мой ушел в I Мировую войну на фронт, в 1915 году. Воевал в составе Кубанских кавалерийских казачьих частей, получил чин есаула. Это тоже на Турецком фронте. В этом звании встретил Революцию и сразу же ушел из армии и уехал к деду моему, а своему отцу. Дед мой на полученных землях развел приличное хозяйство. Держали конную ферму и разводили племенных арабских лошадей. Сеяли, пахали, выращивали овес лошадям, пшеницу, на своей мельнице мололи муку и на своем небольшом хлебозаводе выпекали хлеб. Имели приличное стадо коров. Хлеб продавали в своих магазинах, а еще имели сахарный завод, где делали сахар (головами) из свеклы, выращенной на свои полях. Начали строить и почти закончили маслобойный завод по изготовлению растительного масла из собственного подсолнечника. Было несколько десятков свиней, их кормили жмыхом с сахарного завода и маслозаводика. Отец и дед были хорошими хозяевами, всех лошадей и коров знали визуально и по кличкам. Хозяйство вели с учетом современных агрокультурных знаний. Выписывали много журналов и сельхозлитературы. Я им активно помогал. Всего народу, занятого у нас было человек 13, при необходимости нанимали еще человек 15 - 17, но это уже сезонные. Семья тоже вся вкалывала в хозяйство, но выходные соблюдались свято. Гражданская война нас обошла стороной, ни белые, ни красные нас не тронули, отец с дедом умудрялись договориться и с теми, и с другими. Лошади были нужны всем. С. М. Буденный, возвращаясь с Польши, взял у нас 30 лошадей, арабских кровей, а взамен оставил 30 доходяг дончаков. Через 3 месяца мы их восстановили, а все поголовье восстановили через три года после окончания Гражданской войны. Вот так в нашем табуне появились лошади с буденновским клеймом. Потом мы поставляли лошадей в кавчасти Красной Армии. Их у нас охотно покупали.

В 1928 году произошел разгром семьи. Отец назвал это раскулачивание «бескровная революция», сам отец успел поучаствовать и в революции и в Гражданской войне на стороне Советов. Он говорил на раскулачивание, что революция продолжается, т.е. революция перманентная. Это идеи Троцкого. Л.Д. Троцкий был еврей по крови, но не еврей по духу.

Кстати в 1941 году с нашими воинскими частями отступали коммунисты-интернационалисты, венгры, поляки, румыны. Они повторяли разговоры моего отца о низком моральном духе и уровне Советских руководителей. Почти все они меняли жен, что Сталин организовал группу своих прихлебателей: Молотов, Буденный, Каганович. Для всех их базой для прыжка стала 1 Конная Армия. К концу 30-х годов многие большевистские деятели погибли. У Дзержинского семья во время Гражданской войны в Швейцарии жила, за границей. Сталин же использовал слабости людей, натравлял их друг на друга, удалил Троцкого, который в принципе-то сам отказался от власти. Мой родственник Эрлих, одно время был главным редактором газеты «Окопная правда» и «Деревенская Беднота». Он был близко знаком с Львом Давыдычем. Я задал родственнику перед войной еще вопрос: «Почему в 22-24 годах Троцкий, имея такой авторитет в стране и такую поддержку в Армии, не взял всю полноту власти в свои руки, а отдал ее Сталину?». Он мне ответил, что точно такой же вопрос задал в свое время Троцкому, а тот ответил на него так, мол, еврей не может управлять православной страной. Это народ не примет. А, вот грузин, получилось, что смог, а народ и не вякнул.

До коллективизации сдавали государству 160 тыс. пудов хлеба. Около нашего хозяйства демобилизованные красноармейцы в шлемах организовали Коммуну, государство оказало им помощь, но просуществовала она не долго, все проели и пропили коммунары. Кулачили всех в округе, нас не трогали, из-за знакомства и связей с Буденным. Цены на нашу продукцию устанавливались согласно договору, а лошадьми, их поставкой в Красную Армию, мы погашали налоги. После голода 1921 года наша продукция продавалась дешевле государственной. Наш хлеб стоил 2 копейки за булку, корова - 25 рублей, это дешевле, чем государственный, там соответственно 5 коп. булка и 30 – 35 рублей корова. Еще в хозяйстве у нас была мельница и 5 домов. Цены даже ниже чем сейчас (1988 год). Из свеклы делали еще спирт, продавали государству. Сахарно-рафинадный заводик при Советах просуществовал недолго, его закрыли. Хлеб мы молотили не сразу, пролежит под навесом, когда выстоится и зерно все возьмет из стебля, тогда только. Сейчас севооборот нарушен, анализа почвы нет. У нас каждая корова имела свой рацион, все о ней было написано на табличке, а табличка была на шее у коровы. Мы землю любили, не калечили ее. Когда у нас все в 1928 году отобрали, начался голод, мы тоже голодали, сменили 11 квартир, а от голодной смерти нас спасло обслуживание завода и механизмов, когда там случались поломки. А они были часто, вот за это обслуживание и давали нам еду. Так и выжили, потому и не сослали, что некому механизмы было ремонтировать, никто их так не знал, как дед и отец.

Родственник мой Эрлих, он мне дядей приходился, одно время был членом ЦК партии левых эсеров, его в 1937 г. расстреляли. Он говорил, что будет, как предвидел. Я в 1937 г. поступил в ВМУ им «Дзержинского». В общем-то, не столько поступил, сколько попал, помог военком, кулацкое происхождение скрыл, сказал, что родители давно умерли. Мы в хозяйстве использовали молотилки «Эльборти», трактор не использовали, не портили землю. Землю удобряли только навозом. Все наши поля были обкопаны, чтобы по ним не ездили. Много навоза увозили на поля весной, это позволяло брать 2 урожая. В ВМУ вступил в ВЛКСМ, но не высывался, в своей деревне скрывал, что учусь в ВМУ. Но однажды в нем случайно встретился с земляком, он стукнул на меня и меня из училища вычистили. Приехал в Николаев, поступил в пединститут, сразу на 3 курс. Туда попроще было попасть с моим происхождением, а моряка из меня не получилось. В пединституте ходил в форме моряка, она у меня сохранилась, 2 раза в день кормили бесплатно, ставили зачеты, а преподаватели боялись с нами связываться. Мы там держались группой, друг за друга, кто до пединститута носил военную форму.

Весной 1939 года нас бывших военнослужащих взяли на весенние сборы, я попал в пулеметный взвод. Вооружение у нас было времен Русско-Японской войны. Одели нас в форму Красной Армии и направили в Сивашскую дивизию, да, в пединституте, я не сказал, группой держались бывшие моряки. Мы вели себя там довольно борзо, вот и боялись нас. 17

сентября 1939 года наша дивизия подошла к границам Польши. Ночью раскидали листовки на польской территории, дали и нам листовки. Суть, освобождаем Польшу от панов. Перешли границу и вступили на польскую территорию. Поляки встречали нас хорошо, сопротивления не было. Солдаты и офицеры польской армии убегали от немцев и сдавались нам с радостью. Причем и украинцы и поляки. Было много польских евреев. Мы дошли до Перемышля и там встретили немецкую дивизию. Те хорошо обмундированы, качественное оружие у них и техника, много техники. У немцев хорошее питание и тыловое снабжение. У нас - удивление. Все удивляло, особенно количество техники. С немцами у нас установилась дружба. За нашей дивизией ехали жены офицеров, служащих в ней. Наши вели себя в Польше по-скотски. Через месяц поляки разобрались, кто мы такие, доброжелательность пропала. За месяц разграбили местных, жены офицеров ходили по улицам в ночных сорочках, принимали их за платя. Через несколько недель после вступления на польскую территорию начались массовые казни поляков. От дивизии отряжали подразделения, втыкали колья, опутывали их колючей проволокой, получалась такая огороженная площадка, это лагерь, временный. Туда сажали арестованных поляков чиновников, военных, богатых и тех, кто не покорился. Затем эти лагеря передавались НКВД. Красная Армия противопоставила себя польскому народу. Там была культура, а мы ей не отличались. Наши офицеры обманывали поляков, вместо денег расплачивались облигациями, были тупые, компасы носили вместо часов. На совместных банкетах с немцами это еще больше чувствовалось. Немецкие офицеры все танцевали разные танцы, их этому учили в военных училищах, а наши не могли, струдятся стадом и таращатся на культурных немцев. Наши офицеры плохо выбритые, руки грязные, под ногтями - траур, и несет в лучшем случае «шипром», а чаще всего не стиранными портянками. Особенно нагло вели себя жены офицеров. Эти хапали все, что попадало под руки. Быдло настоящее, а поляки - это дети своей страны. Национальность у них особой роли не играла, что украинцы, что поляки, что евреи, это все дети Польши.

В октябре 1939 г. нас отправили на Советско-Финский фронт. Там все непродуманно и полная безалаберность. Дивизия Виноградова вся вымерзла, погибло в этой войне полмиллиона человек с нашей стороны. Ворошилов с компанией приказал одеть офицеров наших в белые полушубки, солдат в черные. Финны и выбивали, сначала, тех, кто в белых, а солдаты без офицеров - стадо баранов. Отсюда и потери. Особенно доставалось от «кукушек», финских снайперов. Рассядутся на деревьях, спрячутся в кронах елей и сосен 3 снайпера и 2-3 финских автоматчика со своими «Суоми» и весь наш батальон перестреляют, пока тот мимо них снег топчет. Вообще наши командиры были слабее, с финнами фактически воевала вся страна. Оpozорились, но финнов взяли, мясом. Чтобы скрыть от народа правду, после войны демобилизованных Сталин приказал отправлять в гражданском, под видом обыкновенных пассажиров.

Вернулся в пединститут, продолжил учебу. 15.06.1940 г. меня опять призвали. Наша дивизия пошла в Молдавию, оттуда в Бесарабию. Быстро взяли ее, сопротивление румын не было. То есть румынские войска уходят, предварительно старались утащить все что можно, от демонтажа фабрик, до обыкновенных простыней. Срезали даже провода с телефонных столбов, да и столбы выкапывали и с собой забирали: вот уходят румыны, и мы занимаем эту территорию. Наступали буквально на пятки им, чтобы они меньше забрали. Много деревень и народа выслали из Молдавии в 1941 г. Причем немцев отправляли в Германию, а освободившиеся земли заселяли украинцами.

Вернулся в пединститут, но тут отменили стипендии, и я ушел в вагонное депо работать. 8.03.1941г. выдали все-таки диплом об окончании пединститута, и вскоре опять призвали в армию. Отправили на р. Прут. С мая 1941 г. немцев уже хорошо было видно. Часто были в приграничной полосе, видно вели рекогносцировку. С этой стороны к границе подтягивались румынские и немецкие войска. Дураку было видно, что война на носу, недолго ее осталось ждать. Местные закапывали имущество, знали, что будет война. Нашим командирам не разрешалось отправлять детей и жен дальше вглубь нашей территории, чтобы

не травить румын и немцев. Делали вид, что ничего не происходит, вели себя беспечно, принципы такие были. Не дай Бог, те что-то подумают, а местные уходили. Для нас война началась не 22.06, а позже. Ни румыны, ни немцы нас не трогали, границу не переходили до 1.07.99 г. Первого июля румыны начали нас шерстить. Разгромили казарму, бомбардировкой и артобстрелом. Летом было жарко, так бойцы ходили в кальсонах, в них и отступали. Отходили по 40 км в сутки. Солдаты стали отставать и сдаваться. Немцы и румыны в листовках обещали сладкую жизнь, земли и деньги. Уходили и офицеры, бывало, что сдавались целыми подразделениями. К августу 1941 г. стали возвращаться, так как в плену над ними издевались. Быстро поняли, что пирогами там кормить не будут. Вот те, кто хлебнул плена, те воевали отчаянно. Стало расти наше сопротивление. Румыны не издевались, евреев не трогали, немцы наоборот. Поразительно вели себя цыгане, а их там было полно. Немцы цыган расстреливали на месте. Цыгане стояли вдоль дорог, по которым мы отходили и продавали нам чашку слив 1 рубль, стакан воды 1 рубль. Мы еще говорили, что мол вы гады делаете, мы вот уйдем, а немцы вас покروشат, а вы нам еще продаете, содрать с нас стараетесь, а те, мол, когда это еще будет, а деньги сейчас. Так мы доотходились до Харькова, там нас помыли, отправили на отдых и переформирование в Саратов. Людей там скопилось на 2 армии. Шли всякие проверки. Это что-то вроде лагеря. Стали обстраиваться, когда поняли, что это надолго, какие-то бытовые условия сами себе создавать. Отношение к нам было более чем скотское. Окрестный лес высох от испражнений. Люди умирали от голода и болезней. Никому до нас не было дела. Правил закон сильного. Встретил там бойцов, которые рассказали следующее. Они жители Томска и Томской области. В мае 1941 г. их призвали из запаса вроде как на переподготовку и отправили на Урал, под Свердловск. Там из них набрали целую дивизию, но технику, оружие не дали. А тут война с немцами. Их погрузили в эшелоны и отправили на фронт. Оружия опять не дали, сказали, что оружие, знамя дивизии и полков получат, когда придут на фронт, в прифронтовой полосе. Везли долго, попадали под бомбежку, но не разбомбили их. Приехали к пункту назначения, а неразбериха полная. Все, как положено, выгрузились, построились в колонны, и пошли к пункту, где должны были получить все необходимое. Встречали местных, а они говорят, куда это вы идете, мы уже 3 день под немцами живем, оккупированные. Это был шок! Сами приехали в окружение. Развернулись и стали догонять доблестно отступающую Красную Армию, выходить из окружения. Вышли не все, побили дорогой многих, а кто потерялся, но все-таки и дивизии и полки сохранились в основном, а у наших сразу загнали за колючую проволоку, где, мол, полковые знамена? Ничего доказать не смогли, объяснения не слушали, долго не разбирались. Построили всех, каждому 10 приказали выйти из строя, приказали выйти лицам с украинскими фамилиями. Это, мол, шпионы-украинцы, пристали к дивизии, когда из окружения выходили. Тут же перед строем расстреляли этих каждого десятого и украинцев, а попали Сибиряки с украинскими фамилиями из Шегарки такой был, из Томска тоже, а остальных в Саратов, на переформирование. Мол, знамена потеряли, оружие бросили. Которого и не получали. В Татищево формировалась польская дивизия. Обмундирована была англичанами. У них строгая дисциплина. Наши ходили к полякам, попрошайничали у них. К нам прибилась женщина, жена польского офицера, разыскивала мужа, 2,5 года была в дороге, но в горжетку одета, хотя и оборванная на ней была одежда. Я помог ей встретиться с поляками. Там она нашла мужа. В дивизии было много польских офицеров из лагерей, все денежные. Что касается лагеря в Катыни. В 1939 г. взяты были поляки в плен, их зиму изучали в Смоленске. Кто «голубых кровей» их 24.04.40 г. расстреляли, примерно 4 тысячи 300 человек. В Катыни их морили голодом, затем связывали и расстреливали. Так что, где мы ступали, везде делали зло. При нашем отступлении все досталось немцам, а поляков сначала ограбили, и в Польше, и в Смоленске. Финны редко попадали в плен, убивали себя.

Тройки, как внесудебный орган, возникли при Троцком, он их учинил в 1922-23 годах, т.е. это его идея, а Ленин взял ее на вооружение. Что касается беспризорности среди детей в 20-е годы, то эту проблему тоже решили с помощью Троек, счастливчики попали в

колонии, а большинство – расстреляли. Так решили проблему беспризорности после гражданской войны, голода начала 20-х годов.

Еще по раскулачиванию нашей семьи помню такое, что отобрали у нас много лошадей, ухаживали за ними новые общественные хозяева не так как мы. Большая часть лошадей погибла, мы опасались, что признают нас вредителями, что это мы их отравили, но обошлось. Мне известны и такие случаи, когда при раскулачивании отбирали лошадей, а бывшие хозяева их – подыхали. Еще помню, что коммунисты-интернационалисты говорили, что в СССР в гражданской войне участвовали миллионы людей. В ходе нее и после нее они заняли разные должности, зачастую не соответствуя им. Убрать их мирным путем не представлялось возможности, т.к. возникали разные оппозиции, добровольно с портфелями никто расставаться не хотел. Нужна операция, только ножом. Этим ножом и стал конец 30-х годов. Отсюда массовые репрессии.

Еще по полякам. Лагерь поляков находились в Смоленской области, а уничтожали их в Катыне, а Польша была образцом государства, детей, любящих свою Родину, В 1935-36 гг. еще, был приказ Сталина об экспроприации поляков. Мужчин – расстрелять, что и сделали, а жен – вывезли по разным Советским лагерям. Так что охота на поляков началась еще до войны. Поляки, которые служили в этой польской дивизии, нас не любили, не за что было. В Смоленске затем стали вызывать по воинским специальностям. Требовались летчики, десантники, танкисты. Их отбирали и отправляли на формирование. Чтобы не подохнуть, заявил что летчик, бомбардировочная авиация, меня отправили в летную часть, переучиваться на истребителя. Как не старался освоить учебу, был полный профан в авиации, мою лажу раскусили и отправили в десантники, как тупого к тому же, очень обрадовался, что не вернули в Смоленск, на фронте еще может, ранят, а не убьют, а в Смоленске точно сдохнешь как другие. Как-то удалось в части поближе сойтись с командиром, я при нем вроде ординарца стал. Как-то у меня получалось достать ему колбасы там, сгущенки, водки или вина, да и девок. Голодно было, они за жратву все что угодно делали. Вот командир и ценил меня. Я тут тоже неплохо пожил. Затем все-таки фронт, командира наказали за аморальщину, а меня отправили в действующую часть, а я уж надеялся до конца войны при должности ординарца отсидеться. Нет, отправили на фронт.

Это была моя очередная, уже 4 война за последние годы. Устал, надоело, да и жить хотелось. Вообще все надоело. Скоро меня ранило, дальше как обычно: медсанбат, санитарный поезд и привезли в госпиталь в Томск. Лечили здесь, рана быстро затягивалась, а я навоевался, на фронт не хотел больше. Тут дело к отправке опять в часть приближалось, я был уже в команде выздоравливающих. Пришли офицеры НКВД в госпиталь, меня пригласили на встречу с ними, я как-то попал им на глаза, точнее мои документы, встретились, предложили служить у них, я чтобы не попасть на фронт, согласился и после выздоровления меня направили на дальнейшую службу в Томское НКВД, в тюрьму. Скоро присвоили офицерское звание, я вшил в петлицы «кубаря» и служил в Томской Тюрьме. Работники, кто постарше, рассказывали, что в 37-38 годах расстреливали на Каштаке, там и закапывали. Расстреляли тысячи людей. Во время войны у нас в тюрьме тоже были расстрелы, стреляли внутри тюрьмы, я правдами и неправдами от этих дел отбоярился, крови на мне нет. Так же рассказывали, что рядом с тюрьмой, точнее при тюрьме был целый комплекс лагерный, это после гражданской войны и там беляков и контру сортировали. Офицерам пленным шашками животы вспарывали, предварительно раздев до исподнего, и кишками приматывали к Каштаковским березам, чтобы значит дольше помучались, на морозе, потом зарывали весной. Так что убийства там начались еще в 20-ом году. Там сплошь могилы, и под 20 СГПТУ, и в березовой роще, и где аэропорт был, и в овраге и где милицкий комплекс. Во время войны расстрелянных закапывали на кладбище, ныне снесенном, рядом с тюрьмой, где 3 школа-интернат теперь, там тоже все сплошь могилы. Ямы копали днем, а трупы закапывали и привозили ночью. Аресты шли и во время войны, наша тюрьма всегда была переполнена, там и сидели, и следствие вели. Напротив универмага в войну находилась НКВД, там витрины большие, а вот в витрине поставили

бойца с автоматом, он и нес там службу, чтобы все видели и от страха трепетали, что могут сюда попасть. В общем, страх любили Органы нагонять. Аресты бывали безалаберными. В 37-38 г. все службы НКВД Томска были задействованы в арестах, в том числе и пожарники, они тоже к НКВД относились. Вот построили их, и ордера на арест выдают, а один смотрит, а у соседа ордер на него написан, дай, мол, мне, он рядом живет, поменялись, а тот отошел и ордер на себя порвал, его больше и не трогали. Такой вот случай произошел. В общем, всего хватало. В тюрьме были камеры, в которых сидели люди под номерами, срок, фамилия - неизвестны, даже формуляров на них не было, о них даже начальник тюрьмы ничего не знал, а знало только Областное Управление НКВД по Новосибирской области. Им и с ними было запрещено поговорить. Среди таких заключенных были женщины. Некоторые сидели по несколько лет, потом их куда-то забирали. «Секретные заключенные».

Я одно время был направлен на следственную работу, там же в тюрьме, но это было не совсем по мне. Старался к подследственным относиться гуманно. Кабинет изнутри запираю, скажу подследственному, чтобы орал погромче, вроде как его следователь избивает, а сам дам ему чай с хлебом или закурить. Вот тот пьет чай и орет. Следователь из соседнего кабинета заподозрил, что тут что-то не так, что из моего кабинета вопли идут, а подследственные без синяков и не в крови. Начал под меня капать, материалы собирать, я однажды зашел в его кабинет, когда его не было, и увидел у него на столе досье на меня, все понял, это конец мой, а тут праздники и над ТИСИ портрет Сталина под крышей прикрепляли два работника НКВД, а он стоял внизу и руководил этим. Кричит: «Вешайте Сталина левее от корпуса, теперь правее». Я услышал это, думаю, вот ты и попался голубчик, и к нему: «Ты кого это, сволочь, призываешь повесить? Вождя и учителя, товарища Сталина?!» Тот понял оплошность, и она жизни могла стоять, и побелел весь, потом покрылся, глаза бегают, и я кричу тем, которые на крыше, мол свидетелями будете! Он ко мне: «Да я ничего, я не хотел, ты брось Александр Ильич, пройдем-ка лучше в мой кабинет, я тебя угощу» и т.д. Ну, мне тоже отказываться резона нет. Дело то почти готовое на меня у него. Ну, пришли в кабинет к нему, он просил не поднимать шум вокруг его оговорок, дело мое тут же при мне уничтожил (сжег), извинялся всячески, водку, закуску поставил, ну и договорились, он под меня не копает, а я ход его оговорке не даю. Вот так и работали, а вскоре меня внутри тюрьмы на другую спокойную работу перевели. Так там и служил бы до выхода на пенсию. Под конец меня выгнали из органов, было дело, хозяйственные нарушения приписали, а на самом деле, с некоторыми офицерами не сжился. Слышал я еще, что из Верхне-Кетского района более 4 тыс. русских староверов выселили в 1956 г., они через нашу тюрьму проходили и эпатировались от нас, а куда – не интересовался.

Со слов Рыжего А. И. Записал
В. Ханевич г. Томск 1990 г.